

А.И. ДОМАНСКАЯ

ФЕНОМЕН РЕЛИГИОЗНОГО ДЕЙСТВИЯ В РАКУРСЕ ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Религиозное действие рассматривается как специфический тип социальной активности человека, характеризующийся трансцендентным смыслом и символической формой объективации. Обосновывается необходимость и предлагаются две стратегии философско-методологического анализа религиозного действия: рассмотрение его как вида более общих теоретических категорий (таких как деятельность и социальное действие) и исследование этого феномена с опорой на принцип системности.

The article considers religious action as a specific kind of social action, characterized by transcendent meaning and symbolic form of objectivation. It substantiates the necessity for methodological analysis of religious action and presents two strategies: religious action can be considered as a kind of such general theoretical concepts as activity and social action, and it can be analyzed on the basis of system approach.

Религия выделяется в особую социальную сферу в период, когда синкретичная пракультура древности начинает дифференцироваться на искусство, философию, политику и т. д. Этот процесс принято датировать «осевым временем». Примерно в это время на базе магических религий древности, которые были органично интегрированы в разные типы социальных отношений и самые разнообразные практики, возникают основные религии спасения, противопоставляющие собственно религиозное мирскому. Это отрицание мира способствует приданию религии статуса самостоятельного феномена. Примерно с этого же времени предпринимаются попытки философского осмысления религии.

В гуманитарном знании сложилась традиция выделять такие структурные элементы религии, как *религиозное сознание, религиозная деятельность и религиозные институты*. Эта конструкция, восходящая к концепциям европейских мыслителей конца XIX – начала XX в., широко используется в современном религиоведении. Но если определение понятия «религиозные институты» особых затруднений не вызывает в силу их эмпирической представленности, то в определении понятий «религиозное сознание» и «религиозная деятельность» часто отсутствует ясность.

Уже не менее века тема религиозной деятельности затрагивается в социально-теоретических исследованиях религии. Некоторые мыслители (У. Робертсон-Смит и А. Грант) даже предлагают определять религию в целом как особую форму практики или как стратегию жизненного поведения. Другие ставят вопрос о специфике религиозной деятельности в контексте социальных (О. Конт, М. Мосс, Э. Дюркгейм, М. Вебер) и психологических (У. Джеймс, З. Фрейд, К.Г. Юнг, Э. Фромм) концепций. Тем не менее в современном религиоведении не существует внятного определения религиозного действия. Имеющиеся определения представляются контекстными и неполными.

В связи с изложенным попытка определения сути *религиозного действия* и создания классификации этих действий представляется весьма актуальной. Цель данной статьи – рассмотреть понятие религиозного действия в понимании мыслителей, внесших наиболее существенный вклад в разработку данной тематики, и обосновать необходимость философско-методологического анализа религиозного действия. Актуальность темы подкрепляется также значимостью деятельностной проблематики для современной философии и социальной теории. Возможно, что в рамках концепций представителей деятельностной парадигмы *религиозное действие* может быть осмыслено принципиально новым образом. Однако для этого необходимо исходно определить качественное отличие религиозной деятельности от прочих видов человеческой активности, выделить некие черты, специфичные для религиозных практик.

---

* Термин введен К. Ясперсом, обозначает первое тысячелетие (800–200 гг.) до н. э., в котором произошли серьезные изменения во всех сферах жизни древних цивилизаций.

** Наиболее важные из «осевых» религий Вебер назвал «мировыми религиями»: конфуцианство, даосизм, индуизм, буддизм, иудаизм.

Обращение к трудам классиков религиоведения, которые тематизировали религиозную деятельность и чьи концепции имели широкое влияние в научной среде (К.П. Тиле, У. Джеймс, Э. Дюркгейм, К.Г. Юнг и Г. Ван дер Леув и др.), позволяет сделать следующее наблюдение. Большинство исследователей сходятся во мнении, что религиозное действие обладает некоторыми особыми признаками: а) оно является символическим; б) содержит трансцендентную мотивацию. Однако в исследованиях классиков религиоведения религиозное действие рассматривается в контексте определенных исследовательских концепций и основное внимание уделяется его первому признаку – символической форме, так как она доступна эмпирическому наблюдению и фиксации. При этом чаще всего религиозное содержание редуцируется к формальным признакам, а религиозное действие сводится к участию в определенной символической практике, которая определяется исследователями как *культ* (Г.В.Ф. Гегель, К.П. Тиле), *обряд* (Э. Дюркгейм) или *поклонение* (И. Вах).

Например, голландский протестантский теолог К. Тиле ввел в течение долгого времени классификацию религиозных действий, включающую: а) *молитвы* (значимость молитвы в том, что она отвечает потребности благочестивого верующего войти в соединение со своим Богом); б) *жертвоприношения* (жертвой является все, что посвящено Богу, в том числе пост и воздержание); в) *драматическое представление божественного откровения в условно-знаковой форме* (например, драматическое представление мифов или событий из священной истории, мистерий или таинств, которым на низших этапах развития религии приписывается реальный эффект)¹.

Американский мыслитель и психолог У. Джеймс, сосредоточивший свое внимание на изучении индивидуального религиозного опыта в рамках христианской традиции, выделяет в качестве основных видов религиозных действий: а) *жертвоприношение*; б) *исповедь*; в) *молитву*².

Французский социолог Э. Дюркгейм выдвигает концепцию, согласно которой религиозные действия отличаются от повседневных специфической природой их объекта – объекта веры³. Однако он также редуцирует религиозное действие к *обряду* как виду коллективной практики, в результате которой священное отделяется от светского, а в коллективном сознании закрепляется представление о существовании священных явлений.

Необходимость преодоления подобного формализма в определении религиозного действия очевидна. Она подкрепляется определением религиозного действия, в котором более или менее едины названные исследователи: *религиозное действие необходимо является символическим и содержит трансцендентную мотивацию*.

Немецкие философы М. Вебер и М. Хайдеггер, стремящиеся в рамках своих концепций про-

никнуть в суть религиозного способа поведения человека, каждый по-своему сумели преодолеть этот недостаток. М. Вебер рассматривал религиозное действие как один из видов социального действия и относил его к ценностно-рациональному типу поведения. Религиозное действие определяется религиозной верой и ориентацией на трансцендентные ценности, независимо от того, ведет это к посюстороннему успеху или нет⁴. Социологическое понимание, по Веберу, предполагает интерпретацию человеческого поведения в рамках тех смыслов, которые вызывают это поведение. Поэтому понять человека, действующего из религиозных побуждений, возможно посредством: а) понимания движущих им мотивов; б) дифференциацией средств, используемых им для достижения целей своего действия; в) реконструкцией конечных целей и ценностей, на которые человек ориентируется в своем поведении. В работах «Хозяйственная этика мировых религий» и «Социология религии» М. Вебер анализирует многочисленные вариации религиозной деятельности, религиозных акторов и институтов, существовавших в разные эпохи в различных сообществах.

Разработку веберовского подхода к религиозной деятельности в современном религиоведении продолжили такие мыслители, как американский социолог Р. Белла и немецкий социальный философ Х. Йоас.

Используя веберовский подход, Р. Белла разработал неэволюционную классификацию религий, в которой выделил *пять* основных этапов в развитии мировых религий, на каждом из которых религиозная деятельность имела свою специфику. На первом этапе *примитивных религий* религиозное действие «характеризуется не богослужением и не жертвоприношениями, а лишь идентификацией, «участием», «воплощением» и всегда ориентировано на выживание в этом мире, на посюсторонний результат»⁵. На втором этапе *архаических религий* возникает и развивается подлинный культ «с комплексом богов, жрецов, богослужений, жертвоприношений», а религиозное действие регламентируется рефлексивно введенным законом, соблюдение которого позволяет обеспечить успешное существование и заручиться поддержкой трансцендентных сил. На третьем этапе *исторических религий* (религий спасения) акцент смещается на индивидуальные практики, «фокусом сборки» которых выступает обретение индивидуального спасения, для чего требуется максимально возможный отказ от любой мирской деятельности и максимально возможное отрешение от мира. На *раннесовременном* этапе вновь происходит «сдвиг в сторону посюстороннего мира в качестве главной сферы религиозного действия. Спасения теперь надлежит искать не в той или иной форме ухода из мира, а в гуще мирской деятельности», так как «с

наступлением Реформации весь свет, по словам Макса Вебера, превратился в монастырь. Деятельность в миру, особенно для кальвинистов, стала главным средством прославления города»⁶. Современный этап характеризуется синтезом разных форм верований с преимущественным фокусом на эффективной деятельности в мире (добрые дела, благотворительность, экологические акции и т. п.).

Неопрагматист Х. Йоас по-своему развивает веберовские идеи, сочетая их с идеями У. Джеймса и Д. Дьюи, М. Фуко, М. Мерло-Понти и К. Касториадиса. И хотя сам Йоас не обращается непосредственно к проблеме религиозного действия, с позиций его теории креативности *религиозное действие* может быть рассмотрено как любая из практик социального субъекта, осуществляемая как самотрансценденция личности, выраженная в терминах той или иной религиозной традиции⁷.

Анализ религиозного действия в феноменологии религии немецкого философа М. Хайдеггера интересен прежде всего тем, что в нем философским методом раскрывается позиция верующего. Мыслитель выводит проблему религиозного действия на онтологический уровень, связывая религиозный образ действия с реализацией аутентичного модуса присутствия человека в по-сторонней реальности – его «бытия-ставшим верующим». По Хайдеггеру, религиозное действие представляется особым способом присутствия человека в мире, позволяющим реализоваться подлинной экзистенции человека в модусе «бытия-ставшим». Именно деятельностная ориентированность верующего на трансцендентные смыслы позволяет ему преодолеть рассеянность фактической жизни и обрести устойчивость в кризисных ситуациях⁸.

Как видим, многие мыслители проблематизировали религиозную деятельность в рамках своих концепций и с использованием соответствующих методологических ориентаций. Опираясь на эти интерпретации, можно предложить синтетическое определение, отражающее важнейшие характеристики религиозного действия. *Религиозное действие есть специфический тип социального действия, характеризующийся трансцендентным смыслом и символической формой объективации.*

Для современной социальной философии, где исследование человеческой деятельности является одной из главных задач, религиозное действие по-прежнему представляет особый интерес как предмет теоретического и практического изучения. На общеметодологическом уровне категория *религиозного действия* не получила, на наш взгляд, должной разработки, несмотря на нали-

чие значительного по объему материала. Об этом свидетельствует отсутствие в философских и религиоведческих энциклопедиях и словарях соответствующих статей и разъяснений понятия «религиозное действие».

В современном обществе фиксируется нарастание количества кризисных ситуаций как локального, так и глобального масштабов, в основе которых лежит деятельность субъектов с доминирующей религиозной составляющей. Возникает необходимость конструирования категориальной системы, позволяющей понимать, анализировать и рационализировать религиозную деятельность для того, чтобы по возможности бесконфликтно снимать противоречия и напряжения в обществе, возникающие в процессе ее реализации. Это предполагает выход за рамки узкодисциплинарного изучения религиозного действия и требует философского систематического рассмотрения самого понятия.

На основании изложенного могут быть намечены два основных направления философско-методологического анализа религиозного действия. С одной стороны, такой анализ может содержать рассмотрение религиозного действия как вида более общих теоретических категорий – *деятельности* и *социального действия*. С другой стороны, религиозное действие может быть рассмотрено с опорой на принцип системности.

Религиозное действие как вид социального действия. Из этой перспективы понятие «религиозное действие» может рассматриваться как вид или форма таких общетеоретических категорий, как *деятельность* и *социальное действие*. *Деятельность* представляет собой одно из фундаментальных понятий классической философской традиции, фиксирующее в своем содержании целеполагающую свободную волю субъекта, с одной стороны, и объективные закономерности бытия – с другой. Сущностной характеристикой человеческой деятельности представляется ее осознанность. В рамках большинства философско-социологических концепций именно деятельность полагается условием возможности существования общества⁹.

Понятие «социальное действие» было введено М. Вебером. Под *действием вообще* М. Вебер понимал поведение, с которым действующий индивид связывает субъективно полагаемый смысл. Собственно *социальным* действие становится в том случае, если по предполагаемому действующим лицом смыслу оно соотносится с действием других людей и ориентируется на него¹⁰. К числу философов, разделяющих эти методологические ориентации М. Вебера, относят феноменологов, этнометодологов, в большинстве своем приверженцев символического интеракционизма и авторов социологической версии экзистенциализма¹¹.

В свете изложенного философско-методологическое исследование феномена религиозной

⁶ В отличие от Вебера, чей метод восходит к его концепции идеальных типов.

деятельности представляется изучением одной из форм сознательной человеческой активности, специфика которой заключается в раскрытии сущности *религиозного* как одной из сфер реализации деятельности.

Подобная работа была проведена американским исследователем Н. Смартом, создавшим в рамках своей религиозноведческой концепции модель для анализа религиозного действия по семи основным аспектам, доступным наблюдению или выявлению другими социопсихологическими методами. Измерениями религиозного действия, по Н. Смарту, выступают следующие аспекты: материальный, институциональный (социальный), этико-правовой, доктринально-философский, нарративно-мифологический, ритуально-практический и опытно-эмоциональный¹². Выделение этих семи измерений религиозного действия позволяет исследователю, описывая последовательно каждое из измерений и уделяя внимание основным моментам религиозной практики, произвести его системный анализ.

Религиозное действие как система. Отметим, что религиозная деятельность соответствует основным параметрам системности, таким как целостность и целесообразность, соотносительность со средой, иерархичность структуры, множественность описаний, соответствие внешних и внутренних структурных характеристик, возможность управления извне, принцип самоорганизации и др. Поэтому в рамках философско-методологического анализа религиозного действия представляется возможным выявление его системообразующих элементов, раскрытие специфических системных свойств и функций, обнаружение характера связи религиозно действующего субъекта с окружающей средой, представление религиозной деятельности в качестве самоорганизующегося феномена, выявление основных факторов, влияющих на нее, и т. д.

Из обобщения трактовок религиозного действия у различных авторов две характеристики были определены нами как основные – это символизм и трансцендентность мотивации. Представляется, что эти характеристики содержат предпосылки возможности системного анализа религиозной деятельности.

Символизм религиозного поведения происходит из наличия в действиях субъекта дополнительных смыслов и ценностей, означающих, что наличный субъект еще не раскрыт во всей полноте своих возможностей. Символ сжатым образом задает перспективу развертывания субъекта и выступает условным знаком будущего субъекта. Действия субъекта управляются символом как означенной целью, как бы извне. При этом трансцендирующий субъекта символ представляется проекцией во внешний знак недифференцированного смысла самого субъекта, его собственного сжатого, условного образа.

Трансцендентность мотивации заключается в том, что посредством религиозного действия его субъект стремится к таким преобразованиям в его отношении с окружающим миром и с самим собой, которые недостижимы посредством средствами. Эти преобразования связаны прежде всего с достижением внутренней целостности действующего субъекта и его единства во всем миром. Возможно, что рассмотрение религиозной деятельности с опорой на принцип системности позволит зафиксировать ее основные элементы и такое их взаимное соотношение, которое из суммы частей превращает их в целое, обладающее уже трансцендентным статусом по отношению к сумме своих частей. Это целое воспринимается религиозно действующим субъектом как подлинная перспектива его самоосуществления.

Таким образом, философско-методологический анализ религиозного действия как специфического типа социального действия, характеризующегося трансцендентным смыслом и символической формой объективации, обладает актуальностью, большим эвристическим потенциалом и значимостью не только в рамках социальной философии, но и ряда смежных научных дисциплин. Такой анализ будет служить теоретической базой для прикладных разработок в таких областях, как конфликтология, социальные технологии, политология и международные отношения.

¹ См.: Тиле К. Основные принципы науки о религии // Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. М., 1996. Т. 1. С. 85–88.

² См.: Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. М., 1993. С. 260–263.

³ См.: Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Классики мирового религиоведения. Антология / Пер. с англ., нем., фр. М., 1966. Т. 2. С. 51.

⁴ См.: Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. Сер. Социологическая мысль Запада / Пер. с нем. М., 1990. С. 628.

⁵ Белла Р. Социология религии // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Пер. В.В. Воронина, Е.В. Зиньковского. М., 1972.

⁶ Белла Р. Религиозный индивидуализм и религиозный плюрализм // Религия и общество: Хрестоматия по социологии религии. М., 1996.

⁷ См.: Joas H. Braucht der Mensch Religion. Breisgau, 2004; Йоас Х. Креативность действия / Пер. с нем. СПб., 2005.

⁸ См.: Heidegger M. Einleitung in die Phaenomenologie der Religion (Wintersemester 1920/21) // Gesamtausgabe. Frankfurt am Main, 1995. Bd. 60.

⁹ См.: Новейший философский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Мн., 2001. С. 311–312.

¹⁰ См.: Вебер М. Избранное. Образ общества // Пер. с нем. М., 1994.

¹¹ См.: Кравченко Е.И. Теория социального действия: от М. Вебера к феноменологам // Социологический журнал Института социологии РАН. 2001. № 3. <http://www.nir.ru/Socio/scipub/sj/sj3-01krav.html>. Дата доступа: 07.04.2008.

¹² См.: Smart N. The World Religions, Second Edition. Cambridge, 1998. P. 10–22.

Поступила в редакцию 01.07.08.

Анастасия Игоревна Доманская – аспирант кафедры методологии и философии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А.И. Зеленков.